

ЕФРЕЙТОР ГИТЛЕР, ГЕНЕРАЛ ЗИМА И РУССКИЙ МУЖИК

М. ЧЕРНЯВСКИЙ

О второй мировой войне в Европе написано огромное количество работ. Сначала появились исторические труды и сообщения англичан и американцев, затем к ним активно присоединились русские. Нельзя не упомянуть и о немецких источниках: протоколах допросов, военных дневниках, официальных документах, мемуарах и исторических исследованиях. В общем материалов больше чем достаточно для тех, кто захочет изучить и понять ход войны; казалось бы, тайн остаться не должно.

Однако по крайней мере одна тайна, и весьма серьезная, до сих пор не разгадана: как и почему немцы потерпели поражение в России? Называя этот вопрос тайной, я не хочу сказать, что на него не дан ответ. Напротив, многие немецкие генералы дали по ответу, а то и по нескольку ответов. Они удивительно единодушны (в чем, возможно, проявляется великолепный униформизм их выучки), и их ответы были

с доверием встречены западными историками, публицистами, журналистами, а также широкой публикой. Например, в июне прошлого года, по случаю двадцатой годовщины нападения Германии на Россию, эти ответы свел воедино и популярно изложил с присущим ему блеском профессор Тревор-Роупер в воскресном приложении к «New York Times». Когда объяснения важных и насущных исторических проблем столь авторитетно предлагаются массовому читателю и, вне сомнения, принимаются им на веру, приходит пора по крайней мере рассмотреть их критически.

Объяснения немецких генералов можно подвергнуть критике со многих точек зрения. Можно заявить, что побежденные вряд ли являются наиболее объективными судьями своего поражения; можно указать на расхождения, неточности и прямую ложь в их мемуарах и исторических работах. Можно даже гневно заклеить эту ложь, а также постоянное умывание рук немецкими генералами, в результате которого такой верноподданный военачальник Гитлера, как фельдмаршал фон Манштейн, предстает добрым христианином. Но главное в том, что загадка-то остается: предлагаемые ответы неубедительны, и особое значение приобретают как поиски истины, так и очевидная неспособность генералов и историков раскрыть ее.

Широко говоря, для объяснения поражения немцев и победы русских выдвигаются две причины: «загадки» России и ошибки Гитлера. Русских «загадок» три: климат, символически изображаемый как «генерал Зима», которая всегда наступает раньше ожидаемого срока и всегда бывает более суровой, нежели любая предыдущая; неистощимые людские резервы, которые, будучи полностью мобилизованными, во много раз превышали немецкие; и, наконец, примитивность русских путей сообщения, организации русской армии и натуры самого русского народа. Нам говорят, что было бесполезно перекрывать несуществовавшие линии снабжения, располагавшиеся вдоль несуществовавших дорог, и что русские солдаты даже в окружении дрались с бездушным безразличием азиатов. В список причин поражения немцев добавляють еще и американские поставки, которые де буквально наводняли Советский Союз.

Как будто и так не вздохнуть бедным немцам — согласно общепринятым версиям, но дело принимает фатальный оборот, если сюда приплюсовать серию катастрофических ошибок Гитлера, обладавшего абсолютной и непререкаемой властью над немецкой армией. Несмотря на постоянные предупреждения и аргументы генералов, он напал на Россию и тем самым начал войну на два фронта; он отложил это нападение с мая на июнь с целью разделаться с Балканами, что — учитывая особенно раннюю и суровую зиму — помешало немецкой армии завершить разгром советских войск; он удерживал 6-ю армию под Сталинградом, несмотря на явную слабость ее флангов, и запретил ей отступать даже после того, как русские перешли в контрнаступление; он настаивал на наступлении под Курском летом 1943 г., в результате чего лучшие бронетанковые силы Германии оказались размолотыми в порошок; наконец, с настойчивостью маниака, предписывая позиционную оборону в последние два года войны, он не дал своим генералам возможность использовать их превосходство в стратегическом мастерстве и победить русские орды с помощью маневра. Не будучи построенными на принципах гибкой стратегии, которая измотала бы русских, немецкие оборонительные рубежи представляли тонкую линию, рвущуюся под непрерывными ударами противника.

Все это компенсировалось только превосходством немецких солдат и немецких генералов. И вот перед нами фантастическая картина войны, нарисованная в мемуарах и исследованиях Манштейна, Мантейфеля, Меллентина и иже с ними: первая стадия войны представляется в них непрерывной цепью побед, в результате которых русские перебиты, а немцы стоят у Волги; на второй стадии опять-таки одержана серия крупных побед, хотя эти победы и оттеснили немцев от Волги к их собственным границам.

Немецкие объяснения, производящие столь оригинальное впечатление, заслуживают некоторого внимания. Поскольку нацизм и расистская идеология были упразднены по крайней мере официально, нам не следовало бы утруждать себя разбором нацистской версии о «загадке» русского человека. Когда немецкие генералы, объясняя свой разгром, ссылаются на примитивность нервной системы русских, позволяющую им оставаться нечувствительными к обстрелу и другим мерам воздействия и вообще вести животный образ жизни, не зная потребностей цивилизованного солдата, то это

лишь заставляет сделать малоприятные выводы относительно самих лиц, дающих такие «объяснения». Все это порадовало бы Гитлера или Розенберга, но не помогает решить стоящий перед нами вопрос.

И все же проявление примитивности натуры русских должно было быть обнаружено во многих аспектах русской жизни. Так, например, с энтузиазмом поддерживая немецких генералов, Лиддел Гарт утверждает, что если бы русская система путей сообщения была бы так же совершенна, как западноевропейская, Германия выиграла бы войну в несколько недель. Это заявление, естественно, вызывает возражение, ибо отсутствие дорог мешало наступать и отступать в равной степени как немцам, так и русским. На помощь Лиддел Гарту приходят немецкие источники: согласно Мантейфелю, было бесполезно использовать немецкие танки для перекрытия путей снабжения, так как у русских вообще не было настоящей службы снабжения. Их армия двигалась подобно азиатским ордам: солдаты питались тем, что встречалось по дороге, а за ними беспорядочно тащилась масса конских повозок. Дополняя эту картину, Меллентин указывает на то, что русские якобы не имели не только второго эшелона, но даже полевых кухонь, и бьет тем самым рекорды самой неуемной генеральской фантазии. И все же сторонники версии об отсутствии у русских системы снабжения в целом сталкиваются с трудностями. Ибо в их собственных писаниях, так же как и в многочисленных сообщениях русских, подчеркивается стремление русских к почти немислимым сосредоточениям артиллерии — до 400 и более орудий на километр. Плотный огонь обычно предшествовал наступлению, осуществлявшемуся при поддержке большого количества танков. Выходит, все боеприпасы и горючее, требуемые для этого, поставлялись хаотически двинувшимися конскими повозками! Больше того, эти повозки, по-видимому, обладали способностью двигаться быстрее, чем немецкие войска, маршировавшие по Европе в 1940—1941 гг.

Небезынтересно познакомиться с одним аргументом немецких генералов. Тот факт, что советские солдаты питались чем придется, оправдывал немецкую политику уничтожения урожая и всех могущих пригодиться им предметов питания вообще, утверждает Манштейн. Однако эта политика должно быть провалилась, так как многомиллионная Советская Армия продвигалась на сотни километров по совершенно разоренной земле, поддерживая себя, по-видимому, за счет диких ягод и уцелевших под снегом злаков.

Все указанные проблемы имеют, конечно, свое решение, если к ним подходить серьезно. В недавно вышедшем в СССР исследовании летних боев 1944 г. отмечается, что 1-му Белорусскому фронту (на котором всевало примерно 500 тыс. человек) требовалось 1500 железнодорожных вагонов в день. Это значит, что возникавшие перед русскими проблемы снабжения решались так же, как и в других армиях.

Наиболее трудный вопрос связан с численностью русских войск. Даже если брать наименьшую цифру, приводимую немцами, то окажется, что русские войска превосходили немецкие по численности в пять раз. Часто немцы утверждают, что это превосходство выражалось в пропорции один к десяти, двадцати и даже двадцати пяти. Конечно, русские концентрировали свои силы на главных участках наступления, но, учитывая, что правила арифметики не делают для них исключения, эти невероятные цифры требуют некоторого пояснения...

Например, по данным немецкого верховного командования, к 1 января 1942 г. Советская Армия насчитывала 2,3 млн. человек. Это была минимальная численность русских, в то время значительно уступавших немецким силам. И тем не менее в те дни русские отогнали немцев на сотни километров назад. По русским источникам, в ходе их контрнаступления под Москвой зимой 1941/42 г. немцы сохраняли превосходство в отношении 11 : 10 в людской силе, 14 : 10 в танках, 18 : 10 в артиллерии, и лишь в воздухе у русских было преимущество 2 : 1. Опять-таки по русским источникам, в наступлении под Сталинградом русские достигли превосходства 12 к 10 в людской силе, 13 к 10 в авиации и 18 к 10 в танках⁶. Советское командование добилось этого за счет

⁶ Данные М. Чернявского нуждаются в уточнении. Соотношение в живой силе было почти равным к началу Сталинградской битвы (1 005 тыс. советские войска, 1 011 тыс. немецко-фашистские войска), соотношение в танках составляло соответственно 1,3 : 1, в орудиях и минометах 1,3 : 1, в самолетах (без У-2) 1,1 : 1. См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3, М., 1961, стр. 26—Ред.

сосредоточения 25% всей пехоты на участке, составлявшем всего 12% протяженности тогдашней восточной линии фронта. В битве под Курском летом 1943 г. и наступлении 1944 г. в Белоруссии Советы достигли превосходства, значительно оголив те участки фронта, на которых было затишье.

Другими словами, русские одерживали победы благодаря стратегическому сосредоточению войск и маневру, а не несуществующим людским ордам. Русские источники показывают, что наивысшая численность Советской Армии в 1945 г. превышала ее же численность в ноябре 1942 г. всего лишь на 12%. И действительно, заявляя о постоянном восьмикратном превосходстве русских в живой силе (диву даешься, из какого пальца высасывали эти цифры немецкие генералы), генерал Вестфаль в то же время пишет, что в 1943 г. четырем миллионам немецких солдат противостояло 5,5 млн. русских. А ведь Вестфаль умалчивает о союзниках немцев — если включить и их, то фантастические цифры станут более реальными.

Необходимо упомянуть и о следующем. С описанием русских орд резко контрастирует предлагаемая нам картина отчаянно редевших боевых порядков немецкой армии, которой нехватало резервов даже для того, чтобы укомплектовать все фронтовые части, но которая тем не менее выдерживала неравные схватки с противником исключительно благодаря мужеству и выучке своих солдат и офицеров. В действительности, количество немецких солдат на русском фронте увеличивалось в течение первых двух лет войны. Только к началу 1944 г. немцы оказались неспособными возмещать потери, и лишь к осени того же года уменьшение численности их войск приняло катастрофические размеры.

Наконец, остается вопрос о русском климате или, вернее, о русской зиме — о страшной ранней зиме 1941 г. В наиболее грубой форме немецкая версия (которую переняли почти все западные авторы) утверждает, что только преждевременный приход той особенно суровой зимы помешал немцам взять Москву и завершить разгром основных сил Советской Армии. Выпал снег, понизилась температура, и вот уже перед нами зрелище, описываемое генералом Гудерианом: солдаты мерзнут, не имея крова, танки стоят, так как застывает горючее, артиллерия не может ни двигаться, ни стрелять, авиация прикована к земле. Эту версию можно рассмотреть в трех аспектах. Прежде всего — и проще всего — указать на ее неточность. Факты свидетельствуют о том, что наступление немцев было остановлено за несколько недель до начала зимы. Уже с октября русские располагали готовыми резервами; кроме того, читаем в военном дневнике начальника генерального штаба немецкой армии Гальдера, в первые пять месяцев войны немцы потеряли 25% своей живой силы. Иначе говоря, немецкие войска истекали кровью еще в период своих побед, до наступления холодов.

Второй аспект версии о «генерале Зиме» связан с тезисами о «загадке» русского солдата и ошибках Гитлера. Нам преподносится образ армии, совершенно неприспособленной к существовавшим условиям. Возникает вопрос разве обеспечение пехотинцев зимней формой является обязанностью главы государства? Дело ведь было не в том, что у немцев не имелось хорошего зимнего обмундирования, а в том, что оно не поступало на фронт. Трудно винить Гитлера за то, что (как уверяет Гудериан) немецкие вагоны с обычной зимней формой застревали на различных железнодорожных ветках в Польше. Не его вина и в том, что немецкая техника оказалась несовершенной. Учитывая, что Советский Союз явно был одним из потенциальных противников Германии, квартирмейстерский отдел генерального штаба должен был предвидеть и решить все трудности, возникающие при ведении боевых действий в холодную погоду. Отсюда можно перейти и к третьему аспекту немецкой версии, а именно, к утверждению, будто, в отличие от мерзляков-немцев, привыкшие к холоду русские планировали свои операции на самое холодное время, какое только могло быть. Амундсен как-то сказал, что ни один человек не может свыкнуться с холодом, а он знал, о чем говорил. Русские документы полны описаний трудностей танковых и воздушных боев в мороз и метель, а также мучений пехотинцев, которым приходилось продвигаться в службу по глубоким сугробам.

С тем, чтобы развеять сомнения, вызываемые этими соображениями, немецкие генералы и их последователи на Западе делают упор на связь между деспотическими решениями Гитлера и проблемой зимней войны: вся кампания была запланирована

в спешке и вопреки мнению генерального штаба, который якобы высказывался против войны с Советским Союзом; не учитывалась возможность боев в зимних условиях; в то же время Гитлер отложил начало русской кампании и тратил драгоценные недели, воюя в Югославии и Греции. Поскольку немецкая версия о «генерале Зиме» уже рассмотрена, обратимся к вопросу об ответственности Гитлера за провал зимних операций. Начнем с того, что Гитлер отдал приказ о планировании русской кампании через восемь дней после капитуляции Франции, в июне 1940 г., и генерал Гальдер в своем дневнике описывает энтузиазм, с которым он отнесся к этой задаче. Первоначальным намерением в действительности было начать войну осенью 1940 г. В конце концов Гитлер уступил аргументам генералов о том, что в этом случае не оставалось времени на подготовку к ней и начатую столь поздно кампанию пришлось бы продолжать весной. Другими словами, в 1940 г. немецкие генералы не возражали против войны с Советским Союзом и не проявляли особой озабоченности по поводу русской зимы, к которой относились не более как к пустячному неудобству. Далее, планирование операции «Марица» против Югославии и Греции началось в феврале 1941 г.— это означает, что немцы спешно перебросили свои войска с русской границы на юг Европы не вынужденным порядком, а потому, что расценивали балканскую кампанию как часть замаскированного развертывания сил на Востоке.

После всего вышесказанного остается ничтожно мало доводов в пользу того, что причиной переделки, в которую немецкая армия попала в конце 1941 г., были личные ошибки Гитлера. Безусловно, были совершены серьезные просчеты, но ответственность за них лежит в равной степени на политическом и военном руководстве Германии. Это подтверждается огромным количеством свидетельств, суммируя которые можно заметить, что все «ошибки Гитлера» вообще были не в большей степени его личными ошибками, чем ошибки 1941 г. Да, генералы были озабочены слабостью северного фланга сталинградского плацдарма, но такую же озабоченность высказывал и Гитлер. Однако и Гитлер, и его генералы чересчур недооценили ресурсы, которые русские могли привлечь для контрнаступления. Да, Манштейн был недоволен поздней датой наступления под Курском летом 1943 г.; но тогдашний начальник немецкого генерального штаба Цейцлер был энтузиастом этого наступления; с другой стороны, в то время, когда и Цейцлер, и Гитлер поняли, что сражение на Курской дуге проиграно, Манштейн настаивал на продолжении боевых действий, несмотря на то, что потерял все свои танки. Наконец, хотя и ясно, что Гитлер препятствовал разумному ведению операций, приказывая придерживаться позиционной обороны в последние два года войны, те же генералы, которые сейчас жалуются на это, признают, что именно его упорство спасло армию в 1941 г.

Все это не ново и очень хорошо известно, список примеров можно было бы продолжить до бесконечности. Тем более, что, кажется, не все немецкие генералы живут в мире чистой фантазии; например, Блюментрит, никогда не занимавший высоких командных постов, и Гудериан (повествуя о тех годах, когда он впал в немилость) рисуют гораздо более реалистическую картину; к ним присоединяется Р. Гофман. Все эти старые истины имеют, однако, важное значение для решения по крайней мере двух главных проблем. Первая из них — проблема исторической причинности. Историк, который вздумал бы столь же беспечно обращаться с причинностью при исследовании любой другой темы, был бы безжалостно осмеян и изгнан из академических кругов. Неужели мы сегодня можем всерьез поверить, что на исход колоссальных войн между современными высокоразвитыми обществами решающее влияние оказывают некомпетентность или причуды одного индивидуума, какой бы властью он ни обладал, изменения климата или даже одна, пусть и грандиозная, битва? Неужели можно всерьез поверить, что исход войны с Японией был бы другим, если бы США потерпели поражения, а не одержали победы под Мидуэем и Таравой? Или что Эль-Аламейн явился поворотным пунктом войны? Тем не менее, такого рода логике, присущей немецким генералам — и не только им, не раз следовали хорошо известные ученые в Англии и Америке. Триумф причинности на голливудский манер в изучении такого серьезного вопроса человеческой деятельности, как война, по меньшей мере вызывает сожаление.

Вторая проблема проистекает из факта, что весьма компетентные и умные люди делают из себя посмешище, обсуждая вопросы, в которых они по идее всю жизнь

222

были профессионалами. Если для объяснения причин своего поражения германские генералы привлекают отвратительные расистские теории, ссылаются на помощь американцев русским по ленд-лизу (которая, согласно генералу Маршаллу, составляла всего 6% русской промышленной продукции), или заявляют, что все было бы чудесно, кабы фашисты вели себя в России не как фашисты, а как ангелы-освободители (не будь, коль на то уж пошло, немцы фашистами, то вторая мировая война могла вовсе не начаться), — нельзя не прийти к выводу, что они не хотят или не могут понять некоторых вещей. Если «самый тонкий стратегический ум немецкой армии», фельдмаршал фон Манштейн, пишет, что у него не было причин считать войну проигранной в 1943 г., — что-то не в порядке с его умом.

Тайна, возможно, раскроется, если мы весьма кратко рассмотрим настоящие причины поражения немцев. Одна из них совершенно ясна. В СССР в целом советский политический строй был вполне устойчив, несмотря на жестокие поражения. Вторая причина символически выражается цифрами: в 1942 г., когда две трети европейской территории России были оккупированы и две трети советской тяжелой промышленности вышли из строя, русские выпустили 23 500 танков, 25 000 самолетов и 34 000 пушек⁷. Немцы за этот же год выпустили 9300 танков, 14 700 самолетов, 12 000 пушек. Сравнение уничтожающее, и хотя к 1944 г. немцы утроили производство танков и самолетов, они так и не сравнялись с русскими. Отсюда напрашиваются два вывода: 1) советский промышленный потенциал был значительно мощнее немецкого; 2) немцы приступили к полному использованию своего потенциала, когда было уже слишком поздно.

Важность этих выводов лучше всего иллюстрируется тремя цитатами. Генерал Блюментрит, начальник штаба 4-й немецкой армии в 1941 г., писал о невежестве немцев в отношении Красной Армии и СССР в целом: «Мы не имели ни малейшего представления о том, сколько танков Россия могла выпустить в месяц... у нас были весьма слабые представления о военной мощи Красной Армии». В дневнике генерала Гальдера зафиксированы заявления Гитлера на совещании 31 июля 1940 г., где вырабатывались планы войны с Россией: «Если Россия будет побеждена, Англия потеряет последнюю надежду. Германия будет тогда господствовать в Европе... Исходя из этого, Россия должна быть уничтожена. Время — весна 1941 года... опасно затягивать до зимы... Продолжительность операции — пять месяцев. Лучше было бы начать ее в этом году, но для этого не все еще продумано». А генерал Хойзингер, планировавший русскую кампанию в 1941 г. (с недавних пор он выполняет аналогичные функции в НАТО), перечислил шесть причин поражения немцев на Востоке. Четыре из них относятся к Гитлеру и его ошибкам; пятая — дурное обращение с русскими, а шестая выражается так: «Постоянная диспропорция между пространством и временем, имеющаяся в наличии боевая мощь и поставленные цели заслонили действительность, и в результате боевые действия чрезвычайно расширились. Это было выше сил германской нации». Или, вкратце, «задача оказалась невыполнимой».

Что же все это означает? Ответ ясен, если вспомнить действительно огромный вклад в понимание войны, внесенный другим немцем. Клаузевиц писал, что война есть продолжение политики и (это столь же важно) часть политики. Немецкие генералы, лучшие знатоки своего дела, которых когда-либо знал мир, образовали великолепный тактический мозг немецкой армии. Но какова была немецкая политика, частью которой стала немецко-русская война? Какую политическую проблему эта война должна была разрешить насильственными средствами? Напали ли немцы на Советский Союз, чтобы поставить на колени Англию? И если это так, то какова была связь между тем и другим, какова была цель войны против Британской империи? Или же немцы напали на Россию с тем, чтобы (как утверждают некоторые из них) предотвратить нападение русских? Верховное командование германской армии не располагало свидетельствами, подтверждающими вероятность последнего. А может быть война на Западе была лишь подготовкой большой войны на Востоке из-за Lebensraum? Но в таком случае на какое количество Lebensraum и какую плату за него была рассчитана политика немцев?

⁷ Данные М. Чернявского неточны. В 1942 г. советская промышленность дала Красной Армии 24,7 тыс. танков и 25,4 тыс. самолетов. Занижено М. Чернявским и число орудий. См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3, стр. 10.— *Ред.*

Проще говоря, чего ради велась война? Этот последний вопрос приводит нас к другому аспекту проблемы. Под «политикой» Клаузевиц имел в виду разумное понимание разумных политических потребностей и целей. Было ли «уничтожение» Советского Союза разумной целью? Конечно, нет, ибо невозможно соотносить эту цель с необходимыми или допустимыми издержками. Но еще более важно то, что «уничтожение» является не самоцелью, а лишь средством достижения политической цели. Желание «уничтожить» Советский Союз должно было истекать из каких-то целей, но мы не находим таких конечных целей у Германии. Если развивать эту мысль до конца, то мы приходим к логическому и в то же время абсурдному выводу о бесконечной войне или завоевании всего мира, что ведь никак нельзя назвать обоснованной и разумной политикой. В подобном случае не политика определяет средства ее осуществления, а скорее средства осуществления определяют политику. Об этом как раз и предупреждал Клаузевиц, когда он писал, что динамика войны таит в себе огромную опасность: завоеватель склонен забыть о цели, во имя которой он воюет, и, не в силах остановиться, продолжает сражаться изо дня в день, измеряя свои цели каждодневными успехами или поражениями.

Другими словами, у немцев не было разумной политики, частью которой являлась бы их война, разумной политики, исходя из которой можно было бы судить о требованиях войны и ее ведении. Прибегая к метафоре, можно сказать, что немцы проиграли войну потому, что пренебрегли Клаузевицем; конкретно это значит, что они не понимали ни сути войны, ни действительности, которая их окружала. У шизофреников мало шансов добиться чего-то в реальном мире.

Совершенно справедливо утверждение Манштейна, что немецким генералам приходилось подчиняться политическому руководству — так оно и было. Дело, однако, в том, что генералы, кажется, никогда, даже мысленно, не подвергали сомнению правильность проводимой политики и своей взаимосвязи с нею. Они совершили (как, впрочем, и в первой мировой войне) старую семантическую ошибку: мысль о том, что война есть продолжение политики, они интерпретировали по-своему, а именно, что война заменяет политику. Там, где начинается война, кончается политика, а когда кончается война, политика может занять свое место. Отсюда и проистекают генеральские жалобы на то, что Гитлер ставил политические и экономические факторы выше военных (как, например, в случае с никопольскими никелевыми залежами и эвакуацией Крыма). Отсюда и их убеждение (которого они придерживаются и по сей день), что в оценке поведения немцев в России можно привести грань между немецкой армией и ее честью, с одной стороны, и нацистским режимом, с другой. Отсюда и самое удивительное — их замешательство по окончании блестяще проведенной и успешной кампании на Западе, вызванное тем, что они не имели абсолютно никакого представления, что делать дальше. Отсюда их полнейшее пренебрежение и невежество в отношении политической, экономической и общественной жизни своих противников, их сосредоточение на чисто военных проблемах, их совершенно бездумные военные планы типа «пан или пропал», рассчитанные на внезапность (в результате немцы не использовали полных мощностей своей промышленности, так как не имели представления о ресурсах и мощи Советского Союза). Отсюда неспособность Манштейна понять в 1943—44 гг., что война уже проиграна, ибо он жил в мире грез джентльмена-христианина, немецкой чести и героических сражений, а не в реальном мире политики, где учитывалось количество выпускаемых танков. Отсюда, наконец, признание Хойзингером полного интеллектуального банкротства немцев: они не имели средств для ведения войны, которая сама по себе была лишена каких-либо постижимых оснований.

Немецкие генералы не подвергали сомнению правильность политики своего государства потому, что они так и не постигли вывода из тезисов Клаузевица: если война есть продолжение политики, то отсутствие политики неизбежно влечет поражение; если война есть часть политики, то ошибочная (в разумном понимании) политика также неизбежно ведет к поражению. Исключением из этих правил могут быть только исключительные ситуации, например, в случае столкновения Германии с Данией или Люксембургом. В отличие от Гитлера, его генералы не понимали (и до сих пор не понимают), что их крупные победы на Западе обуславливались главным образом невоенными факторами, что производство вооружений, боевой дух и подготовка войск определяются не военной наукой, а политикой. Что касается войны против

СССР, Гитлер не понял действительности из-за своих идеологических предубеждений; генералы же его не понимали и самой сути войны.

Такова история: в ней сплелись воедино трагизм войны, ее ужасы и ирония судьбы. Об этом тем более следует помнить, что заблуждения не исчезли. За пеленой драматизированных и мелодраматических мифов военные историки и теоретики продолжают укрываться от реальных проблем войны и еще более насущных и мало приятных проблем реальной политики.

